

СОДЕРЖАНИЕ

Печали еретика	3
История про <i>A</i> и <i>B</i>	83
Ужас	142
Поэт Ли Бо в рыбьем обличье	153
Разговор по дороге	167
Вор	191
Крик журавля	210
Голубой цветок	234

В попытке вернуть рассеявшееся в воздухе видение он поспешно зажмурился, но ни пленительная дева, ни белая птица к нему больше не возвращались.

Сёдзабуро нехотя поднялся, подошел к окну и, подперев щеку ладонью, устремил взгляд на весеннее небо, наславшее ему эти причудливые картины. По чистой майской лазури плыли клочковатые облака, а разгулявшийся ветер гнал их все дальше и дальше в сторону севера.

«Как прекрасно это небо и как прекрасен был мой сон, — подумал Сёдзабуро. — Почему же мир, в котором я живу, так уродлив и гнусен?»

При этой мысли он с еще большим сожалением вспомнил пригрезившиеся ему образы, и сердце его заныло от тоски.

В убогом жилище, где ютилась его семья вместе с прочими обитателями двухэтажного барака на задворках узкой улочки в Хаттёбори, ничто не могло порадовать взор, кроме бездонного неба за этим окном. Маленькая комнатка наверху, которую он занимал, походила на тюремную камеру, все здесь: циновки на полу, раздвижные дверцы шкафа, стены — было заляпано пятнами, словно щеки чумазого мальчишки, поедающего дешевые сладости, а душный, затхлый воздух, копившийся весь год под низким потолком, пропитывал Сёдзабуро до мозга костей. Если бы не это единственное окно и виднеющийся за ним кусочек неба, он бы, наверное, давно уже умер или сошел с ума. Трудно было поверить, что эта тесная каморка предназначена для проживания челове-

ка — благородного существа, гордо именующего себя венцом природы.

Но сколь ни отвратителен был мир вокруг, Сёдзабуро отнюдь не стремился его покинуть и по примеру сказочного героя унести в какую-нибудь волшебную страну или воспарить к небесным чертогам. Он хотел оставаться в здешнем, невыдуманном мире и наслаждаться жизнью, подобно растению, которое, родившись из земли, пускает в ней свои корни и тянется ввысь. Разве это так уж невозможно? Живя на отшибе в жалкой халупе, он видит одни лишь мерзости, горести и неудачи, но большой человеческий мир не может быть до такой степени мрачен и холоден. Стоит ему обрести богатство, здоровье и зажить по-царски, этот мир, вне всякого сомнения, покажется куда более радостным и прекрасным, чем любая волшебная страна или небесные чертоги. В нынешнем его положении все это выглядело несбыточной мечтой, сумасбродной фантазией, тем не менее он верил в такую возможность — она представлялась ему более реальной, нежели перспектива попасть в рай или очутиться в блаженном краю Хуасюй¹. Одного этого было достаточно, чтобы не поддаваться отчаянию. Даже если он и не достигнет вершин благополучия, главное — вырваться из нищеты и попытаться шаг за шагом, ступенька за ступенькой подняться в своем общественном положении. Самое малое продвижение на этом пути

---

¹ *Хуасюй* — согласно древним китайским легендам, страна всеобщего благоденствия, где нет ни начальников, ни подчиненных, где люди живут долго и счастливо в гармонии с природой и друг с другом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

уже стало бы великим благом. Но как сделать первый шаг? Этого он не знал и приходил в ярость от собственного бессилия.

В самом деле, ведь он ничем не хуже других. Почему же ему выпало несчастье прозябать в нищете и он вынужден карабкаться вверх с самого дна? Почему богам, ведающим людскими судьбами, было угодно воздвигнуть на его пути такие преграды? Чем дольше Сёдзабуро размышлял над этим, тем большее негодование его охватывало. Ладно бы речь шла о каком-то тупице, бездари или ничтожестве, которому приличествует родиться и умереть в трущобе, но он — одаренный, многообещающий юноша, он учится в одном из самых престижных университетов и по окончании его получит степень бакалавра литературы. Живя среди нищего сброда, в окружении этих ничемных людишек, похожих на муравьев, копошащихся в своей куче, Сёдзабуро не считал их ровней себе. Он не из тех, кто способен существовать, перебиваясь со дня на день и не задумываясь о своем положении. Он наделен громадным творческим даром и прочими недюжинными способностями. Однако ни этот дар, ни эти способности не открывают ему дороги к процветанию и материальному благополучию, они распространяются лишь на сферу искусства, а значит, он обречен до конца дней влачить жалкое существование.

— Тьфу! Я покажу вам, как измываться надо мной! — неожиданно выкрикнул Сёдзабуро и тут же осекся, словно испугавшись собственного голоса.

С некоторых пор у него появилась привычка, чуть что, во всеуслышание разговаривать с самим собой. Добро бы он проговаривал вслух какую-то связную, долго вынашиваемую мысль, но в том-то и дело, что слова или фразы, внезапно срывающиеся с его уст, были абсолютно спонтанны и скорее походили на причуду, своего рода *passing whim*¹. К счастью, как правило, в такие моменты никого рядом с ним не было, в противном случае он наверняка устыдился бы, поняв, что нечаянно сболтнул что-то нелепое и угрожающее. Набор этих нелепых, угрожающих фраз был более или менее постоянным и своей дикостью напоминал бред сумасшедшего. В сущности, их было три.

Первая гласила: «Уничтожить Кусуноки Масасигэ, разгромить Минамото Ёсицунэ»².

Вторая состояла из трижды повторенного женского имени: «Охама-тян, Охама-тян, Охама-тян!»

И, наконец, третья: «Убить Мураи, убить Харату».

По непонятной причине именно эти три фразы чаще всего приходили ему на ум, и не было

¹ Сиюминутный каприз (*англ.*)

² *Кусуноки Масасигэ* (1294—1336) — знаменитый японский полководец, вошедший в историю как символ воинской доблести и беззаветной преданности императору. О его подвигах повествуется в феодальной эпопее «Сказание о Великом мире» (XIV в.).

Минамото Ёсицунэ (1159—1189) — отважный военачальник, прославившийся в сражениях с боевыми дружинами враждебного клана Тайра. Героическая и печальная судьба Ёсицунэ (он погиб, став жертвой клеветы и коварства) сделала его одним из любимейших персонажей эпических сказаний, рыцарских романов и театральных драм.

дня, чтобы он не произнес какой-либо из них. Все они были довольно коротки, и, лишь проговорив их полностью, Сёдзабуро внезапно спохватывался и приходил в чувство. Например, за упоминанием о Кусуноки Масасигэ должны были непременно следовать слова «разгромить Минамото Ёсицунэ» — только после этого наступало просветление, и он в испуге умолкал. В случае с женским именем требовалось повторить его не менее трех раз. Точно так же он не мог ограничиться упоминанием о Мураи, не присовокупив к нему злосчастного Хараду. Все это произносилось вполголоса, скороговоркой — так, как люди разговаривают во сне.

Среди имен, возникавших в его бреду, более или менее понятным было лишь имя Охама-тян. Так звали его первую любовь. Два или три года назад Сёдзабуро, неспособный к долгим сердечным привязанностям, расстался с этой девушкой и с тех пор ни разу о ней не вспоминал, поэтому было странно, что ее имя так часто срывается у него с его языка. И все же в какой-то мере это поддавалось логике: пусть он ее забыл, но, как всякая первая любовь, она не могла не оставить следа в его душе.

Куда более загадочной выглядела фраза о Мураи и Хараде. Эти двое были его одноклассниками по средней школе, но нельзя сказать, что он поддерживал с ними сколько-нибудь близкие отношения. Они всего лишь учились вместе и ни разу не участвовали в каких-либо совместных играх или затеях. Правда, эти мальчики были самыми

симпатичными в классе, и Сёдзабуро к ним тянуло. Одно время он даже нередко видел их во сне, но в реальности общение с ними оставалось поверхностным и прохладным. Красавчики не искали его дружбы, а ему не хватало храбрости сделать первый шаг. По окончании школы оба исчезли из его поля зрения. Если верить слухам, Мураи вернулся в свою родную деревню и занялся фермерством, а Харада поступил в медицинский колледж на Кюсю. Больше Сёдзабуро с ними не встречался и в переписке тоже не состоял. С течением времени их образы потускнели в его памяти, и он, казалось, совершенно забыл об их существовании, но спустя много лет видения из прошлого нет-нет да и проносились у него перед глазами подобно падающим звездам и тут же гасли, не давая ему сообразить, что к чему. В такие мгновения он и выпаливал: «Убить Мураи, убить Хараду...»

В том, что Сёдзабуро произносил эти имена, не было ничего сверхъестественного, но почему рядом с ними возникало слово «убить»? Этого он и сам не мог понять. Поскольку ни тот, ни другой не внушали ему ни любви, ни ненависти, у него не могло быть ни малейшей причины желать их смерти. Да и если бы даже Сёдзабуро их ненавидел, он не из тех, кто способен на убийство. Уж не служит ли этот бред предвестием беды, знаком, что в будущем может произойти нечто такое, из-за чего он совершит страшное злодеяние? Не кроется ли здесь тайный намек на то, что он и эти двое повязаны какими-то роковыми узами еще с прошлой жизни? Так размышлял Сёдзабуро, но

подобные предположения выглядели слишком уж нелепо.

При всей своей нелепости, именно фраза о Мураи и Хараде внушала ему наибольшее беспокойство. Что, если он произнесет ее в чьем-либо присутствии? Какая ошеломленная реакция на это последует! И какую растерянность, какой ужас испытает он сам! А если это произойдет на улице и его услышит проходящий мимо полицейский? Он, конечно же, примет Сёдзабуро за преступника или сумасшедшего и потащит его в участок. «Неправда! Я не сумасшедший!» — завопит Сёдзабуро, но никто ему не поверит. Его отвезут на освидетельствование в психиатрическую клинику, и врач, без сомнения, признает его умалишенным...

Что же касается Кусуноки Масасигэ и Минамото Ёсицунэ, то потребность произносить эти имена совсем уж не укладывалась в рамки здравого смысла. Тут Сёдзабуро окончательно терялся, не в силах догадаться, с какой стати они взбрели ему на ум. В детстве он любил исторические повествования, зачитывался «Сказанием о Великом мире», «Повестью о доме Тайра» и, как всякий мальчишка, преклонялся перед доблестью Масасигэ и Ёсицунэ. Со временем, однако, его интерес к японской истории остыл, сменившись увлечением западной мыслью и литературой. Подвиги героев далекого прошлого не имели ни малейшего отношения к его нынешней жизни, и слова: «Уничтожить Кусуноки Масасигэ, разгромить Минамото Ёсицунэ», — казались полнейшей бессмыслицей. Каждый раз, пробормотав их, он густо

краснел и готов был сквозь землю провалиться от стыда.

«Почему ко мне привязалась эта дурацкая привычка? — спрашивал он себя. — Наверняка это признак какого-то психического расстройства».

Сёдзабуро понимал, что человеку в здравом уме не пришло бы в голову городить такое. Значит, он не вполне нормален. К счастью, приступы безумия были непродолжительны, он сразу же приходил в себя, и до сих пор эта его странность не привлекала к себе внимания окружающих.

Так произошло и на сей раз. Произнеся вслух очередную околесицу, Сёдзабуро досадливо поморщился и на какое-то время погрузился в угрюмое молчание, после чего тяжело вздохнул и неверным шагом направился к ведущей вниз крутой лестнице.

За тесной прихожей находилась плохо освещенная комната в шесть дзё¹, где тихо лежала умирающая от чахотки Отоми, его младшая сестра, выставив из-под одеяла свое землисто-бледное лицо.

Услышав шаги Сёдзабуро, она медленно перевела на него запавшие, сверкающие лихорадочным блеском глаза. Приговор врачей гласил, что жить ей осталось всего месяц или два. Зная об этом, Сёдзабуро каждый раз пугался, поймав на себе ее пронзительно ясный, загадочный взгляд, и испытывал неловкость, когда ему требовалось по пути в уборную пройти мимо ее постели. Он старался как можно скорее прошмыгнуть в коридор,

---

¹ Дзё — единица измерения жилой площади, около 1,5 кв. м.

отворачивая лицо, чтобы ненароком не встретиться с ней глазами.

Не так давно приятель с медицинского факультета объяснил ему, что при нарушениях мозговой деятельности важно избегать запоров, поэтому Сёдзабуро старался пить побольше горячей воды и как можно чаще опорожнять кишечник. Последнее время у него вошло в привычку осуществлять эту процедуру как минимум два-три раза в день и проводить за этим занятием не менее пятнадцати минут. Порой он даже забывал, с какой целью пришел в уборную, и, сидя на корточках над нужником, предавался всевозможным размышлениям.

Вот и сегодня обрывки каких-то несуразных мыслей крутились у него в голове, пока он не задумался вдруг о поэте Бо Цзюйи¹. «Постой, — сказал себе Сёдзабуро. — Кажется, то же самое было и вчера. Ну да, я точно помню. И не только вчера — третьего дня, сидя в уборной, я тоже думал о Бо Цзюйи. Но почему? Какая связь существует между отхожим местом и великим китайским поэтом?»

Он принялся распутывать клубок возможных ассоциаций и довольно скоро нашел ответ на свой вопрос. Дело в том, что два или три дня назад на глаза ему попался лежавший на дощатом полу уборной кусок газеты, где была заметка о горячих источниках Хаконэ. Вот и ключ к разгадке! Сёдзабуро не раз бывал в тех краях и, просматривая заметку, невольно вспомнил гостиничную купальню, на которую набрел когда-то, гуляя среди зеленющих гор. Гостиница стояла на берегу речушки

---

¹ *Бо Цзюйи* (772–846) — знаменитый китайский поэт.

в прохладном ущелье, и он словно наяву ощутил, как бьющая из-под земли чистая, прозрачная вода, переливаясь через края ванны, обволакивает все его тело горячим, блаженным теплом. И сразу же на память ему пришли, казалось бы, давно забытые строки из «Песни о бесконечной печали»: «Там источника теплые струи, скользя, омывали ее белизну»,¹ — а эти стихи, в свою очередь, вызвали в памяти имя автора. Должно быть, каждый раз, попадаясь ему на глаза, газетная заметка будоражила его воображение и в конце концов привела его к мысли о Бо Цзюйи.

Если это действительно так, получалось, что на протяжении трех дней работа его сознания застревала на одном и том же месте. В ответ на один и тот же стимул его разум неизменно рождал одну и ту же фантазию. Значит, заключил Сёдзабуро, идея Бергсона о «непрерывном потоке сознания» не подтверждается — по крайней мере, в данном конкретном случае. «Гм... Однако, быть может, он прав в отношении “чистой длительности”...»

Мысли Сёдзабуро мгновенно переключились на вопросы психологии. Он попытался вспомнить основные положения теории Бергсона, содержащиеся в труде «Время и свобода воли», но, как выяснилось, едва ли не все они успели выветриться из его головы. Тем не менее он с удовлетворением отметил, что умственные способности позволяют ему размышлять о столь высоких материях. Среди обитателей этого барака, среди сотен людей, населяющих Хаттёбори, не найдется ни одного,

---

¹ Перевод Л. З. Эйдлиной.

кто, подобно ему, хоть краем уха слышал о философии Бергсона. То-то изумились бы здешние обыватели, если бы могли заглянуть ему в черепную коробку! «Видите, какие важные и сложные мысли меня занимают!» — с гордостью подумал он.

— Мама, братец все еще в уборной? — послышался из комнаты голос сестры.

С трудом передвигая затекшие ноги, Сёдзабуро наконец вышел из своего убежища и стал ополаскивать руки под умывальником, а все тот же ворчливый голос продолжал:

— Интересно, что можно так долго делать в уборной? Он просиживает там бóльшую часть дня. Хорошенькое занятие для настоящего эдо-кко¹! Неужели нельзя управиться со своими делами поскорее? Мама! Ты слышишь меня?

Прикованная к постели, вынужденная целыми днями лежать, уставившись в потолок, Отоми сучала и постоянно обращалась к матери, единственной своей собеседнице в этом мрачном, унылом доме. Она чувствовала приближение смерти и в минуты тоски и отчаяния тоном капризного ребенка звала: «Мама, мама!» Хлопоча на кухне, та не всегда слышала ее, из-за чего Отоми раздражалась и нетерпеливо требовала: «Ну иди же сюда, наконец!» Нынешний день не стал исключением.

— Сейчас, доченька, сейчас, — виновато откликнулась мать из-за перегородки.

---

¹ *Эдо-кко* — уроженец Эдо (старое название Токио); согласно распространенным представлениям, характеру коренного эдосца присущи энергичность, целеустремленность, деловитость.

Щелкнув языком от досады, больная злобно проговорила:

— Вот ведь глухая тетеря! Зову тебя, зову, а ответа никакого. Неужели ты так занята, что ничего не слышишь?

Еще недавно Отоми не была такой. Рано повзрослевшая, она поражала всех своей рассудительностью, но неизлечимый недуг сказался на ее характере, и она нередко вела себя как своевольное, взбалмошное дитя. Мать, однако, еще больше жалела ее и все ей спускала.

Что же до Сёдзабуро, то наглость умирающей сестры приводила его в бешенство, и когда она, пользуясь своим положением, принималась дерзить домашним, чувство жалости и сострадания мгновенно сменялось ненавистью. «Дура! — мысленно восклицал он. — Не слишком ли много ты себе позволяешь? Все жалеют тебя, бедняжку, вот и лежала бы себе тихонечко, а ты только и знаешь, что грубить окружающим. Заболела, так веди себя соответствующим образом — укройся одеялом и помалкивай. Терпеть не могу таких грубиянок, даром что жить тебе осталось всего ничего!» Порой он даже готов был высказать все это ей в лицо и хоть напоследок хорошенько ее проучить.

Выйдя из уборной и выслушав очередную инвективу в свой адрес, Сёдзабуро с ненавистью посмотрел на сестру, но, встретив ее пугающе спокойный, холодный, как у колдуньи, взгляд, оробел и осекся. Накричи он сейчас на нее, этот злоеющий, немигающий взгляд наверняка останется в комнате после ее смерти и будет преследовать

его каждую ночь. Вероятно, кто-то другой на его месте не придавал бы этому значения, но Сёдзабуро с его фобиями такая перспектива казалась не просто возможной, но абсолютно реальной. Конечно, пятнадцатилетняя пигалица не имела никакого морального права глумиться над родителями и старшим братом. Распушенность есть распушенность, и даже стоящий на пороге смерти человек заслуживает взбучки, если ведет себя непотребным образом, но умирающая Отоми обладала какой-то необъяснимой властью над своими близкими, заставляя их испытывать угрызения совести при одной мысли о необходимости ее приструнить. Несмотря на охватившую его злую досаду, Сёдзабуро ничего не оставалось, как сдержаться и промолчать.

Видя, что никто не вступает с ней в разговор, Отоми затихла, то ли утратив к нему интерес, то ли просто устав, и устремила ясный, пронзительный взгляд на проходящего мимо ее постели брата. Стараясь не встречаться с ней глазами, Сёдзабуро направился было к лестнице, но потом вернулся и, подойдя к стенному шкафу, осторожно раздвинул дверцы.

— Что ты там ищешь? — не замедлила осведомиться Отоми, привыкшая во все совать свой нос.

— Помнится, мать принесла с Нихонбаси граммофон. Его уже вернули? — Стараясь говорить как можно мягче, Сёдзабуро рыскал глазами по полкам темного, пропахшего плесенью шкафа.

— Нет, еще не вернули. А зачем он тебе? В любом случае, в шкафу ты его не найдешь.

— Я хочу ненадолго забрать его к себе наверх. Где же он может быть? Сёдзабуро обвел взглядом комнату. На комод у противоположной стены стоял какой-то укрытый полосатым платком ящик. Судя по всему, это и был граммофон.

— Не надо! Не смей его трогать! Оё-тян дала его маме для меня. Ты не знаешь, как с ним обращаться, и наверняка поцарапаешь пластинку, а отвечать придется мне.

— Не бойся, я ничего не поцарапаю. Послушаю немного и поставлю на место.

Не успел Сёдзабуро взять его в руки, как сестра в испуге заголосила:

— Мама! Он хочет забрать граммофон!

— Сёдзабуро, прекрати немедленно! Отоми не велит тебе его трогать! — В комнату вбежала мать; она занималась стиркой на кухне, и руки у нее были в мыльной пене. — Ты же знаешь, этот граммофон принадлежит Оё-тян, и она безумно им дорожит. Я насилу уговорила ее дать нам его на время ради Отоми, пообещав, что он будет возвращен в целостности и сохранности. Ты — известный разгильдяй и, не умея с ним обращаться, можешь сдуру повредить механизм. Как тогда быть? В нашем доме никто, кроме Отоми, ни разу к нему не притронулся — ни отец, ни я!

Оё была двоюродной сестрой Сёдзабуро, дочерью его дяди. В то время как семья Сёдзабуро скатывалась во все более горькую нищету, дядюшка за последние десять лет изрядно разбогател и теперь держал солидный магазин на главной улице в районе Нихонбаси. Помимо того, что он